

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХАКАСОВ О СОБАКЕ (конец XIX – середина XX века)*

В статье рассматривается мифо-ритуальный комплекс, связанный с собакой – одного из виднейших персонажей хакасского фольклора. Выявляется его связь с обрядами жизненного цикла. Проанализированы знаковый и функциональный аспекты.

Ключевые слова: хакасы, собака, традиционное мировоззрение, духи, обряд, шаманизм.

Введение

В традиционном мировоззрении хакасов особое место отводилось представлениям о собаке (хак. *адай, ит*). Термином «традиционное мировоззрение (представления)» мы обозначаем характерный для конца XIX – середины XX в. комплекс архаических воззрений и обрядов, «передаваемых из поколения в поколение». В данный период мифологические представления и обрядность имели наиболее широкое бытование в жизни народа. Впоследствии в силу объективных причин их мифо-ритуальный комплекс был существенно редуцирован. Однако его отдельные элементы в виде реликта сохраняются и в наши дни.

В культуре хакасов собака входила в круг domesticiрованных животных *адай-хус* (букв. ‘собака-птица’) [Бутанаев, 1999, с. 18; Хакасско-русский словарь, 2006, с. 30]. В героической эпике и мифах этого народа лай собак и рев животных наряду с горящим очагом были одним из основных маркеров ойкумены и важнейшим показателем стабильности жизни

людей [Ах пора..., 2007, с. 97; Алтын Тайчи..., 1973, с. 35; Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 71]. Собака, будучи домашним животным, была тесно связана с системой жизнеобеспечения человека. Ее использовали для охраны жилища и домашнего хозяйства. Эта функция собаки нашла отражение в хакасском фольклоре. В сказании о богатыре по имени Ах Молат делается акцент на наличие у героя сторожевого пса: «Была у него одна только черная собака, верный страж всего стойбища» [Трояков, 1991а, с. 148].

Собака являлась незаменимым помощником при выпасе скота. Отдельные пастушеские собаки могли самостоятельно управлять стадом, при необходимости искусно маневрировать – прогонять гурт, производить развороты, разделять животных, находить и возвращать отошедших и др. Собаке отводилась особая роль на охоте [Ярилов, 1890, с. 98–100; 1899, с. 256]. В прошлом она наряду с охотничьим снаряжением и конем была неотъемлемой составляющей промысловой деятельности. Енисейский губернатор А.П. Степанов, описывая быт хакасов в XIX в., отмечал: «Татары (хакасы. – В.Б.) поднимаются на охоту дружно, большими обществами и всегда налегке, несмотря на продолжительное отсутствие из своего кочевья. Несколько заводных лошадей или просто своя верховая, котел, кое-какой запас для пищи, винтовка со всем снарядом и собака – вот все, что они имеют с собой» [1997, с. 77]. Среди охотников высоко ценились со-

*Работа выполнена в рамках проекта № IX.81.3.3. «Коренные народы Сибири и Арктики. Оценка человеческого потенциала: этнодемографический, этносоциальный и этнокультурный аспекты» и ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

баки сагайской и тоджинской охотничьих пород. Эти обладатели бесстрашного характера были невысокого роста, с острой лисьей мордочкой и стоячими ушами. Они умело загоняли зверя на дерево или в камни и сторожили его до прихода охотника [Яковлев, 1900, с. 64]. С такими собаками предпочитали охотиться и на медведя. А.А. Ярилов отмечал: «На медведя ходят с собаками, артелью в 3–7 человек, с Успенья до Покрова. Хороших собак на медведя очень мало, и они ценятся дорого. Один из рассказчиков купил, напр., такую за пять рублей» [1890, с. 98]. Наличие собаки (и коня) подчеркивало материальную состоятельность человека. У хакасов есть такая поговорка, характеризующая убогость жизни человека: *Ат палгачаң сарчыны даа чоғыл, үрп сыхчан адайы даа чоғыл* – ‘У него нет даже коновязи, куда привязывают коня, у него даже нет лающей собаки’ [Бутанаев, 1999, с. 109].

Включенность собаки в жизнь и быт людей получила отражение в мировоззрении и обрядовой практике хакасского народа. Символическое и ритуальное значение собаки у хакасов было велико. Однако отношение к этому животному нельзя считать однозначным, в сознании народа оно наделялось, как правило, амбивалентными характеристиками.

Собака как положительный персонаж

Собака пользовалась особым уважением благодаря практической пользе, которую она приносила человеку. В этом животном больше всего ценились такие качества, как ум, преданность, сила, выносливость и др. Мифологическим сознанием собаке нередко приписывались черты, присущие самому человеку, – сознание, воля, любовь и т.п. Почтительное отношение к этому животному нашло отражение в поговорках: *Алган хатыңа ізенме, азыраан адайга ізеніс* – ‘Не надейся на взятую жену, надейся на вскормленную собаку’, *Чабал кізідең чӱргенче чахсы адайнаң чӱр* – ‘Чем дружить с плохим человеком, лучше ходить с хорошей собакой’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 259, 273, 277, 297]. Не случайно в хакасском мифе о происхождении человека именно собаке было поручено охранять слепленные богом из глины тела первых людей [Бурнаков, 2006, с. 70; Бутанаев, 2003, с. 110–111]. Отметим, что подобные мифы были распространены среди алтайцев, монголов и самодийцев [Потанин, 2005, с. 219, 222; Вербицкий, 1993, с. 114; Пелих, 1972, с. 341; Байдак, Максимова, Тучкова, 2010].

Идея взаимозависимости и тесной связи собаки и человека прослеживается в мифе о первом хлебе. Благодаря заступничеству собаки, говорится в мифе, удалось сохранить некоторые злаковые растения, которые позже хакасы стали называть *адай үлүзі* – ‘собачья доля’ [Бутанаев, 2003, с. 111–112; Бурнаков, 2006,

с. 135]. Данный миф стал основой для формирования убеждения, что «собак надо сытно кормить, иначе не будет хорошей жизни» [Бутанаев, 2003, с. 112]. На семантическую связь собаки и хлеба недвусмысленно указывает загадка: «Если выйдет на улицу – сворачивается калачом, если войдет в дом – сворачивается пирогом (собака)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 325]. Похожие воззрения зафиксированы у чувашей [Салмин, 2011, с. 124–125], алтайцев [Муйтуева, 2004, с. 147–148], монголов [Потанин, 2005, с. 352–353].

Согласно верованиям хакасов, собака могла принести *талан* – ‘счастье, удачу’. В фольклоре весьма распространен такой сюжет: герой за предоставленную услугу духу-хозяину воды (горы) или другому мифическому персонажу в качестве вознаграждения получает (чаще – выбирает сам) маленького невзрачного щенка (собаку). Это животное является воплощением *талан* для фольклорного персонажа. В дальнейшем щенок (собака) чудесным образом преображается в прекрасную деву, становится супругой героя и приносит ему счастье и богатство [Потанин, 2005, с. 622–624; Бутанаев, 2003, с. 32; Охотник..., 2006]. Аналогичные фольклорные сюжеты известны у шорцев и северных алтайцев [Дыренкова, 1940, с. 239; 1949, с. 131].

По мифологическим представлениям, отдельные собаки могли свободно перемещаться в воздушной и водной среде. Воплощением данной идеи был известный среди хакасов мифологический персонаж – крылатая собака *Хубай-хус* (‘птица Хубай’). Считается, что она появилась из яйца турпана (вид уток). Благодаря своим чудесным способностям *Хубай-хус* стала непревзойденной охотничьей собакой. Она могла преследовать добычу как на земле, так в воде и небе. Крылатая собака принесла в дом своего хозяина достаток и процветание. После смерти она вознеслась на небо и превратилась в созвездие Ориона (*Адай Үлгері*)* [Катанов, 1907, с. 270–271; Аат палазы..., 1957; Бутанаев, 2003, с. 49, 73–74]. Воззрения о крылатой собаке находят параллели в самодийской и иранской мифологии [Байдак, Максимова, Тучкова, и др., 2010, с. 98; Тревер, 1933].

В фольклоре хакасов собака, как и конь, выступает незаменимым и верным другом и советчиком человека [Трояков, 1991б, с. 67]. Она помогает герою во всех испытаниях, нередко спасает ему жизнь. Так, в богатском сказании «Чил Саппа» собака *Ах адай* ‘Белая собака’, преодолев все препятствия, отыскивает волшебное средство и оживляет доброго богатыря [Майногашева, 1982, с. 57–58]. В эпосе «Хан позырах аттыг хан Мирген» (‘Хан Мирген на кроваво-рыжем коне’) собака, именуемая *Хара адай* (‘Черная собака’), помогает герою добыть шкуру *алабарса* – мифического

*В другом варианте мифа – превратилась в созвездие Малой Медведицы – *Адай Чүмүгөні* [Бутанаев, 2003, с. 49; Катанов, 1907, с. 273].

тигра, которая надежно защищает от врагов и болезни [Хан поэзрах..., 1968, с. 28–29]. В мифе об охотнике по имени Хубахах его незаменимыми помощниками выступают две собаки рыжей и черной масти [Хубахах, 2006]. В героическом сказании «Хан-Тонис на темно-сивом коне» неутомимым проводником героя является собачонка с подпаленным боком:

Трижды затем подняться скакун попытался,
С великим трудом,
Расставляя копыта, поднялся,
За собачонкой немедля заторопился,
У черной войлочной юрты остановился
[Баинов, 2007, с. 49].

В хакасском фольклоре собаке отводится роль не только помощника героя. Нередко она выступает в качестве главного персонажа – воина. Образ собаки-воителя, как правило, символизирует мужское начало и соотносится с бесстрашным могучим богатырем (*алып, матыр*). Так, в героическом сказании «Хубан Арыг» представлена *Алтын түктіг ах адай* – ‘Белая собака с золотой шкурой’, которая в нужный момент превращается в богатыря и ведет непримиримую борьбу с врагами:

*Алтын түктіг ах адай,
Алтын хуйахтыг алыпха хубулып,
Ханныг чаанаң чаалазып тудысхан.
Аар парза, алтон алыптың
Пеер айланза, читон алыптың тынын үсче*
‘Белая собака с золотой шкурой,
Обернувшись богатырем в золотых доспехах,
Вступила в кровавую битву,
В одну сторону ринется –
Шестидесяти богатырям обрывает жизнь,
В другую сторону устремится –
Семидесяти богатырей лишает жизни’
[Хубан Арыг..., 1995, с. 60–61]*.

В фольклорном произведении «Күмүс-Иргек» богатырь Хан-Мирген принимает облик красной собаки [Потанин, 2005, с. 618–622]. Стоит отметить, что в эпических произведениях типичными являются выражения, в которых образы собаки и мужчины-воина семантически связаны друг с другом, например, в эпизоде вызова богатыря на поединок:

*Удур үрер адайы пар ба,
Удур сыгар ир пар ба?*
‘Есть ли лающая навстречу собака,
Есть ли мужчина, выходящий на встречу?’
[Ах пара..., 2007, с. 116].

*Удур үрер адай пар ба,
Удур тапсир ир пар ба?*
‘Есть ли лающая навстречу собака,
Есть ли бранящийся мужчина,
выходящий на встречу?’
[Кі ах..., 1968, с. 126].

В эпике сражающиеся богатыри часто отождествляются с дерущимися собаками: два богатыря, как злые собаки, дрались, как злые собаки, друг друга схватывают [Дыренкова, 1940, с. 92, 106], рычит, как голодная собака, бросается, как голодный волк [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 51]. Двуетный образ мужчины-воина и собаки убедительно показан в хакасской пословице: *Ир кізінің өлімі – адай өлімі* – ‘Смерть мужчины – что смерть собаки’ (т.е. в схватках с врагом) [Там же, с. 261, 280]. Сравнение поведения воина с отдельными повадками собаки передает также загадка: *Хыйт итчік, хылызынаң алчых* – ‘Схватил саблю и со словами хыйт побежал’ (собака с поднятым хвостом) [Катанов, 1907, с. 239]. Отношение образа собаки к военному делу, в частности к оружию, выявляется в следующей загадке: есть голубая собака, никогда не потеющая (ружье) [Там же, с. 291]. На магическую связь этого животного с оружием указывает также поверье хакасов о том, что «испорченное ружье исправляется, если выстрелить из него в собаку» (Архив РГО. Разряд 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 24).

Образ собаки присутствует и в генеалогическом предании о происхождении хакасского сеока (рода) Том и фамилии Мойнагашевы. В нем говорится, что собака по имени Мойнах (‘Белошейка’) обнаружила на берегу р. Томь младенца, от которого впоследствии произошли представители этого рода и фамилии [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 129]. Имя *Адай* (‘собака’) было довольно распространенным у хакасов [Карачаков, 2004, с. 7–8; Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 60, 149; Кустова, 2000, с. 66]. Не вызывает сомнения, что это слово явилось основой хакасской фамилии Адаяковы (букв. ‘Собачкины’).

Собака играла важную роль в продуцирующей магии и обрядах, направленных на воспроизводство жизни, в частности в свадебных ритуалах. В прошлом у хакасов новобрачные молились солнцу и луне, после чего заходили в юрту отца жениха. Здесь на разостланный подол одежды невесты клали семь дощечек (*тахнай*), обмазанных обрядовой пищей в виде каши (*поча потхы*). Подводили собаку и принуждали съесть предложенное блюдо со словами: *пала арыгы* – ‘это детский кал’. После этого произносили благословление молодоженам: *Алың идегіңер пала пассын, кизін идегіңер мал пассын!* – ‘Пусть ваш передний подол топчут дети, пусть ваш задний подол топчет скот!’ [Яковлев, 1900, с. 84; Бутанаев, 2003, с. 63]. В свадебных песнях, исполняемых женихом, всегда был образ собаки [Катанов, 1907, с. 260; Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 75]. Сходную функцию выполняла собака в свадебных обрядах бурят. По сообщению М.Н. Хангалова, у унгинских бурят по обычаю родители невесты подносили ленты и платки покровителю брачующихся, родственникам, гостям, а также надевали на шею собаке ошейник из красного сукна. Нижнеудинские

*Здесь и далее перевод автора.

буряты перед одним из важнейших свадебных ритуалов – расплетением кос невесты в доме ее родителей – на шею собаке подвязывали ленту белого цвета [Хангалов, 1959, с. 83, 112].

В традиционной культуре, как отмечалось, собака наделена охранительной функцией. Причем она была призвана охранять человека и его жилище не только от реальных врагов – чужих людей и вредоносных животных. Согласно традиционным представлениям хакасов, важнейшее назначение собаки – оберегать хозяев от негативного воздействия потусторонних сил и изгонять злых духов. Хакасы с почтением относились к собаке с двумя цветовыми пятнами над глазами, создающими эффект четырех глаз. Ее называли *tört харах* – ‘четыреглазка’. Считалось, что такая собака приносит своим хозяевам счастье, может видеть иной мир и надежно охраняет жилище и его обитателей от вредоносных сил. *Tört харах* запрещалось держать на цепи. В.Я. Бутанаев отмечает: «До сих пор хакасы уверены в особом зрении собаки, которая может видеть народившийся месяц в первый день новолуния или месяц на ущербе в последний день старой луны и другое» [2003, с. 63].

Собака являлась важнейшим участником обрядов, связанных с детским циклом. Существовала примета: если после рождения ребенка люди, выйдя из дома на улицу, первой встретят собаку, то это принесет младенцу большую удачу. Он будет жить долго и счастливо [Кустова, 2000, с. 65]. Первые экскременты ребенка (*хара тогы*) отдавали на съедение собаке. При изготовлении колыбели подводили пса и давали ему слизать сметанную кашу (*потхы*), намазанную на желобок для стока мочи. Перед тем, как положить ребенка в колыбель, в нее укладывали щенка, чтобы он ее обжил. Первую распашонку на малыша надевали, предварительно накинув ее на щенка. Эта одежда получила название *адай көгегеги* – ‘собачья рубашка’. Повитуха, приглашенная на обряд, благословляла: *Адай көгегегин кизирчегис. Адай осхас ник соохха ник, күлүк ползын!* – ‘Мы надеваем на тебя собачью рубашку! Будь таким же крепким и выносливым, как собака!’ [Бутанаев, 2003, с. 63–64]. Это ритуальное действие символизировало очищение и магическую передачу описанных качеств собаки ребенку. Подобный обрядовый комплекс был у алтайцев. Прежде чем положить первенца в люльку, в нее помещали щенка и качали в ней 3 раза. С этого момента к щенку в семье относились особо, кормили его до старости [Дьяконова, 2001, с. 153–154].

Хакасы верили, что если собаке дать выпавший молочный зуб, спрятанный в хлебный мякиш, и произнести: *Чабал тизим алып ал, чаксы тизи тир* – ‘Возьми плохой зуб, а взамен отдай хороший’, то у ребенка вырастут красивые и крепкие зубы (ПМА). Когда замечали, что ребенок во сне скрипит зубами, то ему на шею вешали шнурок, сплетенный из собачьей шерсти, с нанизанным клыком марала [Бутанаев, 1996, с. 142].

Подобные обряды бытовали и у алтайцев [Дьяконова, 2001, с. 145, 148].

По традиционным представлениям хакасов, собака должна охранять душу ребенка, которая, как считалось, вечером выходит из тела. Поэтому, если младенец чихнул вечером, то произносили заклинание: *Сохыр адай көчшин чалга!* – ‘Лизни зад пестрой собачки!’. Такое же заклинание (*адай көдин чалга!* – ‘лизни зад собаке’) звучало, когда малыш сильно зевал [Бутанаев, 2003, с. 64]. В семье, в которой часто болели и умирали дети, новорожденному в целях защиты шили специальный чехол из выделанной шкуры собаки [Бутанаев, 1988, с. 218]. Следует заметить, что из собачьей шкуры хакасы, вероятно, надеясь на ее защитно-магические свойства, нередко шили одежду и обувь и для взрослых [Патачаков, 1958, с. 75].

Собаке приписывали знание целебных средств и способность избавлять от некоторых недугов. В народе говорят: *Адай отчыл поладыр* – ‘Собака является знатоком лекарственных растений’ [Бутанаев, 1999, с. 75]. Необходимо отметить, что слово *адай* присутствует в названиях отдельных лекарственных и пищевых растений, например, ковыль – *адай от* – ‘собачья трава’ (Архив РГО. Разряд 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 18), кандык – *адай тизи* – ‘собачий зуб’ [Спасский, 1818, с. 182; Потапов, 1953, с. 62], черемуха – *адай нымьрты* – ‘собачья черемуха’ (разновидность этого растения с сухими плодами), дикий чеснок, растущий в степи, – *адай чамазы* – ‘собачий чеснок’ [Бутанаев, 1999, с. 70, 209], шиповник – *адай тунчугы* – ‘собачий нос’ (ПМА).

Для избавления от волчанки, известной у хакасов как *ит іскін*, собачьим или волчьим хвостом натирали тело [Бутанаев, 2003, с. 66]. Хакасы не употребляли в пищу собачье мясо (это отмечали исследователи [Яковлев, 1900, с. 45]), однако в лечебных целях они использовали отдельные органы и биологические субстанции собаки. Так, для лечения легочных заболеваний применяли собачий жир ([Карачаков, 2004, с. 41], ПМА), для быстрого заживления раны ее посыпали пеплом от собачьей шерсти [Бутанаев, 1999, с. 72]. Считалось, что, облизывая больное место, собака помогала избавиться от некоторых кожных заболеваний. При лечении суставов и радикулита использовалась собачья шерсть (ПМА). Для лечения стоматита (*ансыл*) применяли текстулы кастрированного кобелька. Лечебным действиям придавалась магическая форма. Взамен полученного «лекарства» псу засовывали в пасть сало. При этом читались заклинания, обращенные к духу-хозяину болезни Апсыл-хану [Бутанаев, 2003, с. 99]. При лечении коровьего вымени молоко выдаивали через специальный камень с отверстием посередине (*јүмтүг тас*) и отдавали собаке [Катанов, 1907, с. 558; Бутанаев, 2003, с. 57].

Общественное сознание высоко оценивало утилитарную и обрядовую функции собаки. У хакасов хо-

рошая собака считалась одним из лучших подарков, которые преподносили при сватовстве и в других торжественных случаях [Яковлев, 1900, с. 64]. Высокий сакральный статус собаки нашел проявление в ритуальной практике клятвы (присяги), известной в исторической литературе как *шерть*. Обычно люди клянутся самым дорогим и возвышенным, что у них есть, искренне боясь потерять это либо получить наказание. Клялись, как правило, своей жизнью, богом, матерью, родителями, детьми, честью, своей землей, здоровьем и др. В прошлом у хакасов к числу сакральных объектов клятвы относилась и собака. В исторических документах XVII в. дается краткое описание принятия присяги: «А шерть шертовали съехався к лутчему кыргыскому князю х Коджебау в улус перед отпуском Дмитриевым в месяц июне под полы убив собаку и выточа кров и тое свежую собачую кров пили» (цит. по: [Потапов, 1957, с. 22]). Вместе с тем в общественном сознании хакасов собака нередко оценивается как «черное животное» (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 35).

Собака как нечистое животное

В языке и фольклоре хакасов имеется немало бранных выражений с ключевым словом «собака». Существительное *адай* (*im*) и глагол *адайлан* ('собачиться') уже сами по себе обозначают эмоциональную брань [Алтын Арыг, 1987, с. 10–11, 59; Алтын Тайчи..., 1973, с. 13; Алтын Чүс..., 1958, с. 14, 35, 41, 45; Чертыкова, 2005, с. 16]. Народом выделяются такие отрицательные качества собаки, как агрессивность, злость, жестокость, неуживчивость, трусость, неблагодарность, подлость, слабоумие и т.д. Они нашли отражение в хакасской лексике и фольклоре: *адай сырай* – 'страшный' (букв. собачья морда), *адай чарымы* – 'негодяй, подлец' (букв. собаки половина, часть), *адай чүрек* – 'злой, жестокий человек' (букв. собачье сердце), *адай чүс* – 'негодяй, бессовестный человек' (букв. собачья морда), *адайга [даа] санабасха* – 'относиться к кому-либо с пренебрежением' (букв. собакой [даже] не считать) [Боргоякова, 2000, с. 14], будучи богатырями, как мы, подобно собакам, выйдем из кочевья и вернемся с дороги [Катанов, 1907, с. 299], и чего народ ты задираешь, как собака злая у дороги [Сарыг-Чанывар..., 1991, с. 86], глаза худого человека, оказываются, бывают похожи на собачьи глаза [Катанов, 1907, с. 396–397], ты поступаешь, словно безрассудный пес [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 56], *адай чили аахтаба* – 'не кричи, словно собака' [Ах пора..., 2007, с. 117], *адай табан, it табан* – 'собачье отродье' (букв. собачья подошва – бранные слова, употребляемые в отношении противников), *адай осхас хатхычыл* – 'словно собака кусачая' (о сварливых, злых людях), *сүт искен адай чили, чыймыйча* – 'притих, словно собака,

попившая молоко (о сделавших тайком какое-нибудь дурное дело)' [Унгвицкая, Майнагашева, 1972, с. 123, 262], *адай чили иренча* – 'как собака, гавкает' [Стоянов, 1988, с. 579], *адай үрче, чил хаапча (перинчек итчи)* – 'собака лает, ветер подхватывает (о ворчливой, сварливой бабе)', *итче изи чогуыл, адайча агылы чогуыл* – 'у него нет разума даже, как у собаки, у него нет мыслей даже, как у пса', *көк адайча көгіс чох, сарыг адайча сагыс чох* – 'безмозглый человек, словно серый пес, не мыслящий человек, словно желтая собака', *тосхан адай ээзіне үрчең* – 'сытая собака на хозяина лает', *чабал адайны азырза – ээзіне үредір, чабал паланы өскерзе, пабазының чуртыңа харазадыр* – 'если плохую собаку накормишь, то будет лаять на хозяина, если плохого ребенка вырастишь, то будет стремиться отобрать отцовский дом', *чабал адайның палазы көп, чахсыни пір-ікі* – 'у плохой собаки щенков много, а у хорошей – один-два' [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 259, 262, 264, 269, 273, 276, 281, 284, 292, 297].

В бытовой речи и фольклоре хакасов, как видим, образ собаки часто носит негативную, а порой и уничтожительную окраску. Стоит добавить, что в культуре хакасов внебрачный ребенок (*сурас*), а также человек, не имеющий данного родителями имени и не знающий своих предков, соотносился с безродной собакой и был объектом насмешек: *Ады чох адай, адазы чох сурас* – 'собака без имени, сураз без отца'; *иттен туган it табан* – 'сучий сын, родившийся от собаки', *толгай агастың өзені, ады чох адай* – 'сердцевина скрученного дерева, безымянная собака', *пачазы чох адай* – 'не имеющая свояка собака' [Катанов, 1907, с. 263, 391; Бутанаев, 1999, с. 39, 77; Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 277, 336; Хара торагыт..., 2007, с. 32; Хара Молат, 1993, 123 с.; Ікі ах..., 1968, с. 147; Хан позырах..., 1968, с. 23]. Собака сама по себе являлась объектом для шуток, например, в поговорке *Озырыхчы кизіні адай сүрчең, хатхыраачы хысты ир сүрчең* – 'За человеком, испускающим газы, гоняются собаки, за хохочущей девушкой гоняются мужчины' [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 265, 285].

В мировоззрении хакасов выражение «собачья жизнь» (*адай чуртазы*) – часто встречаемая метафора, обозначающая жизнь, полную страданий и лишений. Например, когда имеют в виду плохую долю, говорят: *адай күнінең чуртапча* – 'живет собачьей жизнью' [Бутанаев, 1999, с. 18], *it айагынаң ас чідім, иңе көзінең күн көрдім* – 'я ел пишу из собачьей чашки, я видел солнце через угольное ушко' [Катанов, 1907, с. 217; Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 262, 281]. Параллели между образом жизни, питанием нищенствующих людей с «собачьей долей» нашли отражение в материалах исследователей XIX в.: «После обеда остатки идут собакам, а часть сидящему у дверей гостю» [Щукин, 1847, с. 282]; «Не успеет мясо свариться, как его распределяют между гостями, и делают это тоже

интересующий нас отрывок: «Осторожно он (Кюрелдей-Мирген. – В.Б.) укрепил кольцо вокруг рта собаки, цепь – вокруг шеи и крепко связал ей ноги; вынувши свой меч, он распорол собаке брюхо. Изнутри ее вышел невредимым Кан-Мирген; потеря случилась только в волосах, более ничего не оказалось. Тотчас же Кюрелдей-Мирген, взявши его, очистил богородскою травой и морскою водою; поэтому Кан-Мирген снова нашел волосы. После этого Кан-Мирген сильно хвалил Кюрелдей-Миргена за то, что он возвратил ему жизнь» [Катанов, 1907, с. 220–225]. В другом фольклорном произведении встречается такой сюжет: герой, отправляясь в Нижний мир, берет с собой череп собаки (*адайның хуу пазы*) – чтобы преодолеть страх и встретиться с умершими людьми. С черепом происходит метаморфоза. Перед обитателями потустороннего мира предстает грозная собака [Охотник, 1956, с. 42–49]. В сказании «Күмүс-Иргек» «красная собака» переправляет героев в Нижний мир [Потанин, 2005, с. 619–620]. В богатырском сказании «Ала Хартыга» фигурируют «семь собак с медными языками и железными когтями». Они находятся в золотой горе на привязи. Став хозяином этих мифических существ, герой получает бессмертие и счастье, но это таит в себе большую опасность. Собаки в любой момент могут сорваться с цепи и погубить весь мир [Титов, 1856, с. 187–226; Потанин, 2005, с. 736].

Собака, наделенная качествами медиатора, нередко использовалась в обрядах, связанных с гаданием [Бутанаев, 2003, с. 65]. Ее поведение получило отражение в приметах: «Если собака будет есть зелень или у нее будет громко урчать в животе, будет дождь» [Катанов, 1897, с. 60], если собака сворачивается клубком и прячет нос – к похолоданию (ПМА). Считалось, что собака была вестником смерти. «У нас простой народ верит, что если воет собака, то непременно предвещает чью-нибудь гибель, и приговаривают, чтобы она выла на свою голову» [Титов, 1856, с. 225–226]. Жители Ююсских степей в Хакасии верили, что если из *Сараадай көл* ('Озеро желтой собаки') слышится собачий вой, значит, кто-то умрет [Бутанаев, 2003, с. 62]. Аналогичные представления встречаются у алтайцев. Считается, что «воющая собака чует смерть» [Муйтуева, 2004, с. 147]. Включенность образа собаки в сферу смерти и похоронной обрядности обнаруживается и в следующей загадке: *Адайагы хомзынып үрчедір, көспечен ааллыг кизи турбинча* – 'Собачка жалобно лает, а человек некочующего селения не встает (плач по умершему на кладбище)' [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 316, 336].

Хакасы предпочитали держать дома черных и белых собак. Остерегались собак желтой и мухоротой масти. Такое отношение сложилось якобы из-за страха перед мифическим персонажем по имени *Сараадай-хан* ('Царь желтых собак'), который был главой всего собачьего мира. Согласно верованиям, он имел собачье

туловище и человеческую голову. *Сараадай-хан* находился в царстве умерших душ, где вершил суд и карал виновных. Люди полагали, что неприкаянная душа *хубай* человека, погибшего вдали от родного дома, а также душа замученной собаки *аан* в образе пса (чаще желтого) приносит людям вред [Там же, с. 62, 64, 88]. Связь образа собаки с миром мертвых прослеживается в хакасской мифологии: сыновья *Ўзүт-хана* – главы царства умерших *Ўскер Молат* и *Хара Мотегей* – изображены как существа с собачьими головами [Там же, с. 106]; у *үзүтов* несли службу пестрые собаки [Бутанаев, 2006, с. 143]. Кроме того, было распространено убеждение, что духи гор (*таг ээлері*) могли показываться людям в образе желтых собак [Катанов, 1909, с. 270].

Таким образом, собака выступает одним из воплощений демонического мира. Как отмечал Н.Ф. Катанов, духи со злой душой могли превращаться в собак [1907, с. 218]. По народным представлениям, нечистая сила *айна* довольно часто принимает облик черной собаки [Кастрен, 1999, с. 220–221; Бурнаков, 2006, с. 71]. Согласно сведениям В.Я. Бутанаева, зловредный дух *салдыма* «появляется только ночью, в виде бегающей по улице черной собаки с бубном в лапах», а «бесовское отродье “пух” могло показываться, в том числе и в виде четырехглазых черных собак» [2006, с. 66–67]. В мифологии хакасов выделялись такие демонические персонажи, как *моксагалы* с собачьими чертами. Они имели человеческое тело и голову пса [Бутанаев, 2003, с. 108]. Отождествление собаки с нечистой силой прослеживается и в русской культуре. В.И. Жельвис отмечал: «Собака в народном сознании могла успешно конкурировать с чертом. Ср.: “Черт с ним!” – “Пес с ним!””, “Черт его знает!” – “Пес его знает!” и даже “Ну его к чертям собачьим!”» [1984, с. 138].

Способность собак кусать мифологическим сознанием рассматривалась как нанесение не только физического, но и мистического вреда. В народе верили, что «кого во сне укусит собака, значит, тому напакает дьявол; убить собаку, значит, не хворать» [Катанов, 1907, с. 592]. В культуре хакасов укус бешеной собакой воспринимался как тягчайшее осквернение. Для избавления от скверны и болезни человеку предписывалось в течение 40 дней жить подаянием. В сопровождении близкого человека он, двигаясь вверх по реке, должен был посетить 40 юрт и в каждой из них трижды посолонь обойти очаг и наступить на золу со стороны дверей 3 раза. В конце пострадавшему предстояло трижды обойти 40 тополей [Катанов, 1893б, с. 536; 1897, с. 53, 62, 75; Бутанаев, 2003, с. 64–65]. При укусе не бешеной собакой опять-таки применялась народная магия: «Старуха берет наперсток, и, держа его тремя пальцами, прикладывает три раза к больному месту и говорит: “О, собака, возьми свою пакость, отвлеки свое злодеяние, да не ноет сие место и да не болит никак!”» [Катанов, 1899, с. 394].

Хакасы, осознавая демоническую сущность собаки, во время грозы всегда выгоняли ее из юрты. Они объясняли это тем, что «дух неба не любит собаки» [Катанов, 1896, с. 424]. Данный обычай основывался на вере в то, что за собакой (или в ней) могла прятаться нечистая сила *айна*, а *Худай* (Бог) при всяком удобном случае старается поразить ее молнией [Попов, 1884, с. 46; Катанов, 1897, с. 52]. Подобные представления отмечены у бурят: Тэнгри всегда старается поразить молнией злого духа Арахын-Шиткура, который часто скрывается под видом собаки [Потанин, 2005, с. 141].

Среди хакасов было распространено убеждение в том, что мистическая сила собаки (в частности, ее визг и лай) могла помочь во время солнечного и лунного затмений. Поэтому, стараясь заставить животное визжать, ему до боли крутили уши [Попов, 1884, с. 34; Бутанаев, 2003, с. 45, 47]. Сходные традиции отмечены у алтайцев и бурят. При лунном или солнечном затмении они также звенели железными предметами, стреляли из ружей и обязательно били собак [Потанин, 2005, с. 191, 192].

Вера в магические свойства собаки способствовала проникновению этого образа в мифо-ритуальную практику хакасских шаманов. В прошлом ночные камлания в сопровождении лая собак были обычными для быта хакасов. Однако на некоторых исследователей данный этнокультурный феномен производил неизгладимое впечатление. Известный финский исследователь М.А. Кастрен оставил следующее описание сцены ночного камлания у хакасов: «Он (шаман. – **В.Б.**) выходит из юрты и, несмотря на темь, бегаёт по степи, барабаня, свистя, крича и воя, как безумный. Вскоре к его неистовым крикам присоединился и страшный лай встревоженных им собак» [1999, с. 217].

Собака выступала в роли важнейшего *тёса* – духа-помощника шамана. Количество собачьих духов у каждого кама было разным – от одного до девяти [Потапов, 1981, с. 135; Бурнаков, 2008, с. 608; 2011, с. 239]. Образ этого духа-помощника обязательно маркировался в шаманской атрибутике. Его изображение встречалось на сакральных лентах *сызым*, которые пришивали к костюму кама [Бутанаев, 2006, с. 79], а также на бубнах [Катанов, 1889, с. 114; Суховской, 1901, с. 3; Яковлев, 1900, с. 117]. Во время путешествия в потусторонний мир собака должна была охранять «тыл» шамана и больного [Катанов, 1893а, с. 30; 1893б, с. 540; 1907, с. 580]. Установив причину болезни, «шаман изгонял айна, а собаки хватили его зубами и уносили подальше от людей» [Потапов, 1981, с. 135]. Согласно мифам, вход в юрту Эрлик-хана охраняли две черные собаки величиной с теленка, которые носили имена *Игер-Кизер* или *Хазар-Пазар*. Они были привязаны железными цепями с двух сторон дверей медного дворца [Бутанаев, 2006, с. 54]. В шаманских текстах алтайцев также говорится о стороже-

вых псах Эрлик-хана, которые называются *ерликтын тайгандары* [Потанин, 2005, с. 66, 290–291].

В фольклоре хакасов образы собаки и шаманов настолько близки, что порой выступают в едином смысловом контексте. Об этом свидетельствуют пословицы и загадки: *Мал ёлзе – адай тох, кизи агырза – хам тох* – ‘Если дохнет скот – то собака сытая, если болеет человек, то шаман сытый’; *Хычалыг чылда адай симис, хорыгыг чылда хам симис* – ‘В года падежа скота собака жирная, в год эпидемий шаман жирный’ [Там же, с. 146]; *Пачазы чох адай, чүрегі чох абаай (хам)* – ‘Собака без свояка, брат без сердца (шаман)’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 316, 336].

В мировоззрении хакасов собака как сложный знаковый персонаж стала фигурировать в народной эсхатологии. «У медного богатыря есть семь собак на железных цепях. Когда они вырвутся, раз залают и завоюют, тогда будет всем кончина: и людям, и зверям, и птицам» [Титов, 1856, с. 190]. «По Хоораю (Хакасии. – **В.Б.**) будет бегать бездушная черная собака (предсказание о будущей катастрофе)» [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 105]. По справедливому замечанию В. Титова, на формирование данного эсхатологического мотива с участием собак(и) оказал влияние буддизм [1856, с. 225].

Заключение

В мировоззрении и ритуальной практике хакасов образ собаки имел широкое распространение. Для него характерно большое символическое разнообразие. В традиционном мышлении собака – полезное домашнее животное с положительными характеристиками. Она возводилась в ранг сакральных персонажей. Однако в мифологическом сознании собака как существо, имеющее отношение к сфере потустороннего, а значит, чужого, выглядит как носитель опасности. Страх, который вызывали такие качества собаки, как злость, агрессивность, в архаическом сознании и психологии людей замещался естественным стремлением нейтрализовать исходящую от нее опасность. В результате сформировался образ собаки как ничтожного существа. Немалую роль в создании амбивалентного образа этого животного сыграли и ее зоологические особенности и повадки. Но знаковое восприятие собаки не было застывшим. Оно находилось под влиянием объективных перемен, которые происходили в жизни людей и общественном сознании. На формировании взглядов на собаку отразились межэтнические и межкультурные взаимодействия хакасов с окружающими их этносами, в т.ч. с тюрко-монгольскими и русским народами. Большое влияние на религиозно-мифологические представления хакасов оказали буддизм и народное православие. Вероятно, оно обусловило по-

явление амбивалентного восприятия собаки как сакрального животного и одновременно как нечистого существа, обладающего многими отталкивающими качествами.

Большое сюжетное сходство с мифами таких тюрко-монгольских народов Сибири, как алтайцы, шорцы, буряты демонстрирует хакасское повествование о происхождении человека и его страже – бесшерстной собаке, о хлебе – собачьей доле, о двух собаках Эрлик-хана – носителях счастья и богатства. Общим является включенность собаки в обрядность, связанную с жизненным циклом человека, а также с представлениями о лунных и солнечных затмениях.

В материалах выявляются специфические черты, присущие традиционному мировоззрению хакасов, в частности, мифологические сюжеты о собаке – чудесном помощнике, воителе, а также животном, с которым связывается происхождение отдельных хакасских фамилий. Уникальными в культуре этого народа являются мифологические представления о главе собачьего царства – желтом псе Сараадай-хане, а также о таких демонических персонажах, как мохсагалы, салдама, пух и др., выступающих в облике собаки. Специфичны представления об особых категориях душ – *хубай* и *аан*, носителем которых является якобы собака. Особенным предстает также мифо-ритуальный комплекс, связанный с включением собаки в народную медицину, например, лечение от укуса бешеной собаки, а также в шаманскую ритуальную практику и др.

Список литературы

- Аат палазы** Хубай Хус паза Ир Тохчын // Хакас чонын ныхахтары (Хакасские народные сказки). – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. – С. 22–31.
- Алтын Арыг** // Алтын Арыг: Богатырские сказания, записанные от С.П. Кадышева. – Абакан: Хакас. изд-во, 1987. – С. 7–130.
- Алтын Тайчи.** Героическое сказание, записанное от Е.Н. Кулагашевой. – Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1973. – 148 с.
- Алтын Чүс.** Героическое сказание, записанное от М.К. Доброва. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1958. – 90 с.
- Ах пора** аттыг Алтын Сабах (Алтын Сабах на светлосером коне) // Хара торааттыг Хара Хан (Хара Хан на темно-гнедом коне): сб. богатырских сказаний, записанных от К.А. Бастаева. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. – С. 78–132.
- Байнов М.Р.** Хан-Тонис на темно-сивом коне. Героическое сказание. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. – 387 с.
- Байдак А.В., Максимова Н.П., Тучкова Н.А.** Собака в языке и мифологии селькупов // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 97–100.
- Боргоякова Т.Г.** Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000. – 144 с.
- Бурнаков В.А.** Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.
- Бурнаков В.А.** Путешествие в «мир мертвых»: мистерия хакасского шамана Макара Томозакова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 22. – С. 607–617.
- Бурнаков В.А.** Путешествие к Адам-хану: камлание хакасского шамана Туда Юктешева // Вестн. Новосиб. гос. ун-та, 2011. – Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. – С. 236–244.
- Бутанаев В.Я.** Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 206–221.
- Бутанаев В.Я.** Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. – 224 с.
- Бутанаев В.Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Хакасия, 1999. – 240 с.
- Бутанаев В.Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- Бутанаев В.Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. – 254 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.** Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. – Абакан: Кооператив «Журналист», 2010. – 240 с.
- Вербицкий В.** Алтайские инородцы. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. – 270 с.
- Дыренкова Н.П.** Шорский фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.
- Дыренкова Н.П.** Охотничьи легенды кумандинцев // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1949. – Т. XI. – С. 110–132.
- Дьяконова В.П.** Алтайцы. – Горно-Алтайск: Юч сумер, 2001. – 224 с.
- Жельвис В.И.** Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // СЭ. – 1984. – № 3. – С. 135–143.
- Карачаков С.Е.** Чоныма өдзім айланчам (Возвращаю свой долг). – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2004. – 112 с.
- Кастрен М.А.** Сочинения. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). – 352 с.
- Катанов Н.** Шаманский бубен и его значение // Енисей. епарх. вед. – 1889, № 6 (16 марта). – С. 112–114.
- Катанов Н.Ф.** Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – СПб., 1893а. – 113 с. – (Прилож. к т. LXXIII зап. Имп. Академии наук; № 8).
- Катанов Н.Ф.** Среди тюркских племен // Изв. Рус. геогр. об-ва. – СПб., 1893б. – Т. 29, вып. 6. – С. 519–541.
- Катанов Н.Ф.** Народные приметы и поверья бельтиров // Деятель. – 1896. – № 8. – С. 424–425.
- Катанов Н.Ф.** Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [типо-лит. Имп. Казан. ун-та], 1897. – 104 с.
- Катанов Н.Ф.** Народные способы лечения у сагайцев // Деятель. – 1899. – № 10. – С. 394–395.

- Катанов Н.Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.
- Катанов Н.Ф.** Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Сборник в честь 70-летия Г.Н. Потанина. – СПб.: [тип. В.Ф. Киршбаума], 1909. – С. 265–288.
- Клеменц Д.А.** Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение. – 1884. – № 7. – С. 11–14.
- Кустова Ю.Г.** Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 160 с.
- Майногашева В.Е.** Некоторые элементы композиции хакасского эпоса // Проблемы хакасского фольклора. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1982. – С. 42–59.
- Муйгуева В.А.** Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск: [тип. Г.Г. Высоцкой], 2004. – 166 с.
- Орел В.Е.** Культура, символы и животный мир. – Харьков: Гуманитар. центр, 2008. – 584 с.
- Островских П.** Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – 1895. – Вып. III/IV. – С. 297–348.
- Охотник и бай** // Хакас чоның нымыхтары (хакасские народные сказки). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1956. – С. 42–49.
- Охотник и шенок** // Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – С. 19–22.
- Патачаков К.М.** Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. – 104 с.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 424 с.
- Попов Н.** Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. Имп. Рус. геогр. об-ва. – 1884. – Т. XX. – С. 34–48.
- Потанин Н.Г.** Очерки Северо-Западной Монголии. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.
- Потапов Л.П.** Пища алтайцев (этнографический очерк) // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1953. – Т. XIV. – С. 37–72.
- Потапов Л.П.** Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1957. – 308 с.
- Потапов Л.П.** Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Материальная культура и мифология. – Л.: Наука, 1981. – С. 125–137. – (Сб. МАЭ, т. XXXVI).
- Радлов В.В.** Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- Салмин А.К.** Собака в традиционных представлениях чувашей // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 124–128.
- Сарыг-Чанывар.** Героическое сказание, записанное от И. Сыргашева // Сибирские сказания. – М.: Современник, 1991. – С. 36–124.
- Спасский Г.** Народы, кочующие вверх по реке Енисей // Сиб. вестн. – 1818. – Кн. 1. – С. 87–209.
- Степанов А.П.** Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1997. – 224 с.
- Стоянов А.К.** Искусство хакасских хаджи // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. – М.: Наука, 1988. – С. 577–590.
- Суховской В.** О шаманстве в Минусинском крае // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1901. – Т. XVII. – С. 1–9.
- Титов В.** Богатырские поэмы минусинских татар // Вестн. Иркут. отд-ния Рус. геогр. об-ва. – Ч. 15. – СПб., 1856. – С. 187–226.
- Тревер К.В.** Сэнмурв-Паскудж, собака-птица // Из истории докапиталистических формаций: сб. статей к сорокалетию научной деятельности Н.Я. Марра. – М.; Л.: Изд-во Гос. академии истории мат. культуры, 1933. – С. 293–328.
- Трояков П.А.** Ах Молат – богатырь // Героический эпос хакасов и проблемы изучения. – Абакан: [б.и.], 1991а. – С. 148–164.
- Трояков П.А.** Истоки и формы чудесного вымысла. – Абакан: [б.и.], 1991б. – 385 с.
- Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е.** Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1972. – 311 с.
- Успенский Б.А.** Избранные труды. – М.: Гнозис, 1994. – Т. II: Язык и культура. – 688 с.
- Хакасско-русский словарь.** – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
- Хангалов М.Н.** Свадебные обряды унгинских бурят // Собр. соч. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1959. – Т. 2. – 444 с.
- Хан поэырах** аттыг хан Мирген // Хан Мирген. Героические сказания, записанные от М.К. Доброва. – Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1968. – С. 9–114.
- Хара Молат** // Ай Мичик и Кюн Мичик. Богатырские сказания на хак. яз. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1993. – С. 63–124.
- Хара тораттыг** Хара Хан // Хара тораттыг Хара Хан (Хара Хан на темно-гнедом коне). Героическое сказание на хак. яз. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – С. 7–77.
- Хубан Арыг.** Богатырское сказание, записанное от С.И. Шулбаева. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1995. – 192 с.
- Хубачах** // Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – С. 27–29.
- Чертыкова М.Д.** Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2005. – 180 с.
- Щукин Н.С.** Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. – 1847. – Ч. 19. – С. 255–284.
- Яковлев Е.К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. – Минусинск: [тип. В.И. Корнакова], 1900. – Вып. IV. – 212 с.
- Ярилов А.А.** Былое и настоящее сибирских инородцев. Материалы для изучения. – Юрьев: [тип. К. Матгисена], 1890. – Вып. 2: Мелецкие инородцы. – 204 с.
- Ярилов А.А.** Былое и настоящее сибирских инородцев. Материалы для изучения. – Юрьев: [тип. К. Матгисена], 1899. – Вып. 3: Кызыльцы и их хозяйство. – 366 с.
- Ікі ах** ой хулун // Хан Мирген. Героические сказания, записанные от М.К. Доброва. – Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1968. – С. 115–210.

*Материал поступил в редколлегию 27.06.11 г.,
в окончательном варианте – 24.11.11 г.*